

Ему удалось вытерпеть только один час сна, но накануне он уже отдал приказ собрать жителей деревни.

Он стоял там, на деревянном настиле, с Джикодзи на его стороне, когда они смотрели, как крестьяне собирают. Первые капли дождя упали вниз, слегка покрывая их волосы серией влажных капель.

Похоже, слух об этом уже распространился, и жители деревни догадывались, зачем они здесь. Взгляды, которые они бросали в его сторону, не были дружелюбными. Но он едва обратил на это внимание и изо всех сил старался держать глаза открытыми и сфокусировать взгляд.

Казалось, они собирались целую вечность, и его взгляд стал рассеянным, когда он увидел, как грязь постепенно увлажняется и становится все более липкой и влажной с каждым человеком, который ступает на нее. Он обратил внимание на растущую интенсивность, с которой их отвращение выражалось в ответ на грязь, прилипшую к их ногам.

" Мы довольно предсказуемы, не так ли?"

Подумал он, наблюдая за их поведением. Вскоре они все собрались, но он все еще был сосредоточен на том единственном клочке земли, который теперь был липким от грязи, и держал плесень следов предыдущего человека.

-ГМ...

Джикодзи похлопал его по спине, и он обернулся с вопросительным взглядом. Старик махнул рукой в сторону улицы, устремив взгляд на толпу.

- А. Они уже собрались.

Сказал он, наконец сообразив. Все они смотрели на него с таким ожиданием, словно были частью системы, которую мог контролировать только он.

- Добро пожаловать, жители Тойоне и Тобисимы.

Начал он, сам себе удивляясь. Он произнес эти слова, и это был, несомненно, его голос. Но ему казалось, что он не говорит, так как он мог наблюдать за тем, что говорил, как будто стоял позади себя.

Это было очень странное ощущение, но он продолжал идти, не проявляя ни малейшего беспокойства.

- Боюсь, причина, по которой я собрал вас сегодня, не из приятных.

"Ха, не из приятных? Ну, скажем мягче."

Подумал он, критикуя собственные слова.

- Те товарищи, что ушли с нами, не смогли вернуться. Они начали свое собственное путешествие через ворота Такамагахары.

Он изучал печаль, которая отражалась на их лицах, и крики боли, которые раздавались при понимании его слов.

Разве они не ожидали этого, когда вернулось всего несколько человек? Неужели они не знают? Или, может быть, они знали, но не хотели знать, и питали надежду, что это только еще больше навредит им самим.

- Странно, как мы это делаем, правда?

Когда толпа забеспокоилась, он понял, что сделал слишком долгую паузу, и снова заговорил, прочистив горло.

- Они умерли с честью, но раньше времени. Человек, возглавлявший нас в этой кампании, - Имагава - не слишком высоко ценил нашу жизнь.

Это было новым событием для всех. Казалось, Роккаку и ему подобные не могли поделиться этим со своими семьями, и они внимательно слушали, как разъяренный бык гнева ждет, когда его выпустят, чтобы он мог растоптать печаль под ногами.

- Подразделение спичечного замка Ода, насчитывающее тысячи человек, - они были рядом. И кого он посылает остановить их атаку?

Спросил он, устраивая сцену.

"Тебе обязательно так драматизировать?"

Он снова принялся критиковать себя.

- Армия Нива. К тому времени нас насчитывалось всего 130 человек, и он назвал нас трусами, прежде чем приказать атаковать нас насмерть.

- Ублюдок!

Закричала рассерженная мать.

- Действительно.

Он кивнул в ответ на ее вспышку, сохраняя спокойствие.

- И что же нам было делать, когда у нас есть враг и спереди, и сзади? Неужели мы разбегаемся в стороны и прячемся? Люди из армии Нива-нет. Они служили своему господину до конца и бросились в атаку под шквалом вражеского огня.

- И это был наш конец....

" Ты презренный человек, так игриво рассуждающий о смерти своих мужей."

Слова, которые он сам произносил, вызвали у него глубокое отвращение. Он намеренно руководил толпой, чтобы, когда он расскажет им об их славном триумфе, это было бы еще более драматично.

- Это было бы так, если бы наши сердца были слабы! Армия Нива на этом не остановилась! Даже когда они были изрешечены пулями, наши храбрецы бросились вперед.

- И на вражеские силы, численность которых намного превышала нашу, мы обрушили ад. Самые храбрые люди, которых когда-либо видела эта наша земля. Они сражались до последнего вздоха, и мы победили эту силу, заставив их бежать, поджав хвост.

Они цеплялись за каждый его мир, совершенно очарованные его рассказами, и когда он рассказывал об их доблестной победе, все ахали от удивления и проливали много слез в их честь.

- Много храбрых людей погибло, служа этому отвратительному Дайме, и среди них наш великий учитель Нива Накатане-да насладится он вечной жизнью в Такамагахаре.

" ...Ты не нагнешься еще ниже? Ты используете имя вашего друга только для того, чтобы проникнуть в сердца людей. Неужели ваша непристойность не знает границ?"

Он знал, что делает, и ненавидел себя за это. Но никто, казалось, этого не понимал. Даже люди, которые служили под его началом, даже Дзикодзи. Они думали, что он говорит красноречиво и уместно. Но он не соответствовал своим собственным стандартам.

- НО ЭТА СЛУЖБА ОКОНЧЕНА! МЫ СЛИШКОМ МНОГО ВЛОЖИЛИ В ЭТИ НЕБЛАГОДАРНЫЕ РУКИ!

Он повысил голос, говоря страстно, пытаясь справиться с эмоцией, которую вызвал, и используя ее в полной мере.

- ВОТ ИМЕННО!

Жители деревни выразили свое согласие.

- ЭТО МРАЗЬ не заслуживает нашей преданности!

Они плакали – в основном женщины, потому что это было все, что у них осталось.

- НАСТАЛО ВРЕМЯ, ЧТОБЫ МЫ – ЛЮДИ – ВЗЯЛИ ПОД КОНТРОЛЬ НАШУ СОБСТВЕННУЮ СУДЬБУ, НАШИ СОБСТВЕННЫЕ ЖИЗНИ. МЫ САМИ РЕШИМ, КОГДА НАМ ЖИТЬ, А КОГДА УМЕРЕТЬ!

- Ага!

Раздались голоса согласия

" ...Ты-воплощение лицемерия. Ты навешиваете ярлыки на себя и на них, как на одно и то же, просто чтобы заявить, что это не так. Ты делаешь все это, чтобы объявить себя новым хозяином этих земель."

- Я КЛЯНУСЬ ОТОМСТИТЬ! ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ КО МНЕ, ЛЮДИ НИВЫ, И ДАВАЙТЕ ВОЗРОДИМСЯ. ДАВАЙТЕ ПРИМЕМ ИМЕНА МУЖЧИН И ЖЕНЩИН КРАСНОГО ПЕРА. МЫ НАДЕНЕМ НАШИ ДОСПЕХИ И ПОДНИМЕМ НАШИ КЛИНКИ, ЧТОБЫ ОБЕСПЕЧИТЬ СПРАВЕДЛИВОСТЬ ДЛЯ НАРОДА!

-Миура!!

При этих словах они сплотились, даже не осознавая, что приняли его как своего нового хозяина.

" ...И вот оно. Как они могут быть такими слепыми? Как я могу быть единственным, кто видит? Это люди, о которых я должен заботиться... люди, которыми я должен руководить, чтобы отомстить... но как они могут быть такими овечьими?"

Они захлопали в ладоши и зааплодировали его словам. Женщины проливали слезы и издавали жалобные крики, проклиная имя Имагавы и требуя возвращения своих мужей. Они были втянуты в кровавую битву, и все же они не осознавали этого.

Он повернулся к Дзикодзи. Его работа была сделана. И старик одобрительно кивнул, Его глаза были полны уважения.

" ...Даже ты не можешь понять, что мы с ними сделали?"

" Это... это не должна быть их война. Они должны просто сидеть в стороне, как наблюдатели, и укрыться от всего этого хаоса. У них должно быть время, чтобы исцелить свои сердца. И все же они так стремятся идти по новому пути. Чтобы испытать новую боль."

Он сошел с помоста и пошел сквозь толпу. Они протягивали к нему руки, звали его по имени, восхваляли, касались его одежды и хватали за плечи. Он чувствовал себя совершенно неловко – но им это нравилось, и он не мог понять почему.

" Это... это оттого, что ты так мало спишь? Не потому ли я не могу к ним относиться?"

Он удивлялся, почему чувствует себя так далеко от них, хотя они были совсем рядом.

Он сделал все возможное, чтобы улыбнуться им, когда уходил, а Дзикодзи изо всех сил старался следовать за ним. Но они были маниакальны. Они были так же возбуждены, как и он в первый раз, и с такого расстояния он почти не мог понять почему.

" Может быть, потому, что я крестьянин?"

- Он задумался. Он поднялся оттуда, где был, к хозяину деревни. Возможно, именно поэтому они считали его своим. Но это был всего лишь титул. Это не было письменное соглашение, которое заставляло его вести себя прилично по отношению к ним, так почему же они так доверяли ему?

Он быстро пришел к выводу, что не понимает и, скорее всего, никогда не поймет. Но так же быстро попытки понять вообще казались бессмысленными, и он спросил себя, почему он вообще беспокоился.

Люди могли прекрасно ладить друг с другом, не будучи полностью в ладу с тем, как действовал другой. И все же, почему он должен заботиться о том, как легко они поддаются влиянию и как легко ими можно воспользоваться? Теперь они были его народом. И он должен был вести себя с ними прилично. Тот факт, что они были уязвимы, не имел значения, он просто не должен был использовать их.

Он едва успел освободиться от них и зашагал по дороге, не оглядываясь, даже когда кто-то бежал за ним и звал его по имени. Он устал носить это лицо. Он искал место, где мог бы мыслить немного яснее.

- Куда это ты собрался, парень?

Джикодзи отдернул руку, ища ответа.

- Я ненадолго уеду, старина, но мне нужно кое о чем подумать.

Он сообщил ему, делая все возможное, чтобы скрыть свои истинные эмоции от его лица. Очевидно, он сделал это достаточно хорошо, так как Дзикодзи просто кивнул и отпустил его, как ему было угодно.

Он шел до тех пор, пока грязь и гравий не превратились в булыжник, наслаждаясь ощущением твердого камня под ногами в течение короткого момента, прежде чем он устал и начал ходить по траве.

Трава кончилась, и ему пришлось довольствоваться деревьями. Из-за большого количества мусора в лесу было трудно идти без того, чтобы что-то не мешало или не путалось под ногами, и после третьего случая, когда ему пришлось обойти низко висящую ветку, он почувствовал себя лично оскорбленным.

Он с отвращением посмотрел на гнилую деревяшку.

- Почему ты существуешь только для того, чтобы сделать этот путь более трудным?

Он замахнулся кулаком, ожидая, что тот легко упадет. Но оказалось, что внутри она не такая уж гнилая, и слышно было только тихое потрескивание, но ветка оставалась устойчивой.

Боль, которую он причинил костяшкам пальцев, была сильной, но она оказалась стимулирующей, и он решил, что ему очень нравится это движение, и снова взмахнул кулаком.

От второго удара кожа на костяшках пальцев сорвалась, и потекла кровь. Но там тоже была трещина, так что он не остался совершенно немотивированным.

- Ну же, ублюдок!...

Он насмеялся над безжизненной веткой, готовя кулаки, не обращая внимания на боль, когда он ударил еще раз, и отправил ее в щепки от дерева.

- Хм.

Он с отвращением посмотрел на упавшую ветку, когда перешагнул через нее, внезапно осознав, что поступил глупо.

- Это была всего лишь ветка...

Он обнаружил, что шокирован собственным поведением. Такой пустяк никогда бы его раньше

не беспокоил, и все же он бросил вызов чему-то, что едва ли можно было назвать живым, как будто это было самое презренное существо в мире, и существовало только для того, чтобы он его сокрушил. Или, возможно, для того, чтобы раздавить его.

<http://tl.rulate.ru/book/33825/1102651>